

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ПИКОВАЯ ДАМА
И БЛАГОРОДНЫЙ КОРОЛЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление — *Екатерина Фerez*

Ранее книга издавалась под названием
«Улыбка Горгоны»

Соболева, Лариса Павловна.

С54 Пиковая дама и благородный король : [роман] / Лариса Соболева. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-17-163665-4

Сестры Вероника и Зинаида не общались пять лет! И вот встретились... в морге. Зинка-оторва, хитренькая, умная и безбашенная. Больше всего на свете ей хотелось денег. И она добилась своего, заплатив за это жизнью...

Веронику ждала поездка на Мальту, любимый жених и семейное счастье. А теперь она главная подозреваемая в убийстве сестры. Ведь это ей досталось имущество покойной, за которым охотятся... все!

Старик Беляев передал Зине в собственность огромный лесной массив. Та перед смертью спрятала купчую. Теперь эти бумаги ищут несколько человек: убийца старика, следователь и... фактический владелец леса, чьим доверенным лицом являлась Зина.

Линии жизни разных людей иногда закручиваются в одну спираль. И неважно, как они относятся друг к другу. Опасные виражи им суждено преодолеть вместе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-163665-4

© Соболева Л.
© ООО «Издательство «АСТ», 2024

1

Вот это да! Мало того, что Вероника была не одета, она, открыв ему дверь, ускакала в квартиру! Ни тебе здрасте, ни улыбки, ни хотя бы междометия, означающих, что тебя увидели, — нет! Открыла и — бежать, будто в квартире пожар или вода течет из всех кранов.

Сказать, что он озадачился — это ничего не сказать, но Стас переступил порог, оценил беспорядок в полутемной прихожей и прошел в комнату, где Вероника носилась, как гончая. Взору предстал реальный погром: вещи разбросаны... их не было разве что на потолке. При дневном свете Стас рассмотрел, что и Вероника напоминает беженку из горячей точки — волосы растрепаны, а они и так торчат во все стороны, потому что вьются, как после «химии», халат застегнут на одну пуговицу, босая, на лице ни грамма косметики.

— Ты не готова?! — позволил себе возмутиться он. — У нас не осталось и полчаса, а ехать тридцать пять минут, если повезет не попасть в пробку.

— Визит к твоим родителям отменяется, — огорошила его Вероника, перебирая одежду.

Даже не извинилась, что не стояла при полном параде у проезжей части дороги, как договорились, из-за чего он прождал ее пятнадцать минут, потом вынужден был заехать во двор и подняться на пятый этаж. Его логика: не успеваешь, опаздываешь, а телефон для чего у тебя?

— То есть? — на взводе спросил Стас, он терпеть не мог изменений в планах. — В чем дело?

— Я сегодня улетаю, что-то случилось с моей сестрой. Звонила в аэропорт, самолет через три часа, а мне нужно много успеть.

— У тебя сестра есть? Ты никогда о ней не говорила, почему?

— Теперь ты знаешь о ней. Утром на мой мобильник позвонил следователь, интересовался, знакома ли я с Зинаидой Валентиновной Долгих, я ответила, что это моя старшая сестра. Он попросил меня срочно явиться в прокуратуру, но я ведь живу в другом городе, далеко, следователь потребовал немедленно приехать. На мои вопросы, что случилось, он ответил, что для меня будет лучше все узнать по приезду. Вот я и собираюсь.

Причина, бесспорно, уважительная, но перекроила не только сегодняшний день, под угрозой оказались более серьезные планы. Стас

убрал нижнее белье с кресла, сел в него и, заметив почти заполненный чемодан на стуле, огорчился:

— Вижу, ты надолго собираешься, а как же наша поездка на Мальту?

— Я о ней позабыла... — Не менее расстроенная Вероника присела на стул, опустив на колени руки, в которых держала фен (это предмет первой необходимости, без него с ее копной волос не справиться). — Жаль... Но может, успею вернуться?

Стас, постукивая пачкой сигарет по подлокотнику, закатил глаза к потолку, высказывая вслух мысли:

— Звонили из прокуратуры? Значит, твоя старшая сестра серьезно влипла.

— В смысле? — не поняла Вероника.

— Прокуратура занимается тяжкими преступлениями, отсюда напрашивается предположение, что твоя сестра непосредственно связана с каким-то преступлением, но тебя зачем затребовали? Странно... Мальта у нас через пять дней, не думаю, что ты успеешь вернуться назад.

Вероника подхватила, бросив на ходу:

— В таком случае, тебе придется лететь на Мальту одному, я не смогу. Может, Зине нужна помощь, а рядом никого нет.

Она занялась сборами, точнее, убирала в шкаф то, что, по ее мнению, не пригодится.

Не желая мешать ей, Стас вышел покурить на площадку, заодно позвонил родителям и сообщил, что смотрины откладываются. Разумеется, не сказал об истинных причинах, а солгал: мол, непредвиденные обстоятельства заставляют Веронику лететь к сестре, которая находится в тяжелом состоянии. Прокуратура, следователь — звучит зловеще, отец с матерью после этих слов пристанут: ты родословную Вероники проверил, вдруг там сплошь дурная наследственность? Зачем ему потрясения?

Когда он вернулся, чемодан стоял посередине, да и в комнате Вероника успела навести относительный порядок, сама же переодевалась.

— Я отвезу тебя в аэропорт, — заявил Стас.

— Спасибо.

Наконец Вероника улыбнулась, но это всего лишь дань вежливости, на самом деле предложение Стаса неприятно кольнуло: разве только отвезти в аэропорт должен был предложить любящий мужчина? Вызов к следователю ничего хорошего не сулил, Вероника нервничала и терялась в догадках, что ждет ее в незнакомом городе и чем отличилась Зинаида? Не исключено, что и Веронике понадобится помощь, по логике Стас обязан все бросить и лететь с ней. Этот вариант не осенил его умнейшую голову, видно, он не понимает, что ей боязно одной лететь в неизвестность, а просить... зачем? Стас без того

раздосадован, вероятно, потому и тормозит его сообразительность, но хотелось бы...

По дороге к аэропорту Вероника поглядывала на претендента в мужья чуточку новыми глазами. Нет-нет, она не перестала его любить, из-за ерунды не меняют резко своих пристрастий, просто они разные, только сегодня, сейчас посетила эта мысль. Стас почти никогда не выходит из себя, значит, умеет сдерживать свои эмоции, это редкое качество; он успешен, а Вероника относится к женщинам, которые чураются неудачников, распространяющих вокруг себя ореол негатива; он практичен, но не жаден, ведь хуже мужика-скряги может быть только алкоголик. Внешность меньше всего интересовала в мужчинах Веронику, предпочитавшую в тридцать один — а это возраст сознательности и трезвых оценок — ум, обхождение и стабильное положение, но и тут ему можно поставить высокий балл. А она? Она-то какая?

Вероника достала пудреницу и придирчиво изучала свое смуглое лицо, которое загорает, стоит лишь выглянуть солнцу, — таким образом, к осени она становится похожа на цыганку. В этом смысле Мальта совсем нежелательна даже в это время года, она поджарится там и станет словно негритянка, цыганка все же светлее. Но у «цыганки» серо-голубые глаза и русые волосы, безобразно завитые природой, подруга по-

советовала отрастить их до лопаток, мол, будет стильно. Да, стильно получилось — грива, как у льва, к тому же возникли проблемы с расчесыванием, особенно после мытья, заодно возросли траты, так как всяческие пенки-гели-муссы покупаются мешками. Но все в восторге от ее волос. В исключительных случаях, когда появляется желание выглядеть нетипично, Вероника выпрямляет пряди в парикмахерской.

Если разобраться, у нее все не так: нос с горбинкой, а хочется прямой; глаза слишком удлинненные, ну, тут уж ничего не исправишь, как и скуластое лицо, еще хотелось бы иметь поменьше ротик... Ух, сколько недостатков! А окружающие считают эти недостатки достоинствами, уверяют, будто все это в совокупности смотрится красиво, кому же верить — зеркалу или чужому мнению? Зато фигура на ять, но какими усилиями! До параметров моделей даже не мечтала себя довести, не получится, однако периодически Вероника фигуру истязает диетами, значит, что? Ее тело несовершенно.

В общем, Стас — мечта незамужних девушек, правда, у мечты есть некоторые минусы: он замкнут, неразговорчив, чересчур чопорный и все равно мечта. Веронике стоило бы честно признать, что она-то как раз далека от идеала, следовательно, завышенные требования неплохо бы предъявлять прежде всего к себе. Да и как бы

он полетел вместе с ней, а работа? Это у нее отпуск начался со вчерашнего дня, иначе так легко она не сорвалась бы, а Стас работает вплоть до отлета на Мальту.

Билет купили, во время посадки он попросил:

— Позвони, когда прилетишь.

Вероника крепко обняла его, искренне поцеловала в губы и наконец-то догадалась извиниться:

— Стас, прости, я не по своей воле...

— Иди, иди, — ободрил Веронику он.

— Если не вернусь, лети на Мальту с Аленкой...

— Разберемся, иди.

Она прошла кордон, оглянулась и махнула ему рукой, затем послала воздушный поцелуй, признав, что ей потрясающе повезло с ним. Мог бы и не обратить на нее внимания, мало, что ли, красивых девиц вокруг? Она-то сама уже, пардон, перестарок, а замуж хочется, ой, как хочется. Чтоб и платье, и фата, и праздник...

Сидя в самолете, Вероника дала себе клятву не поддаваться на провокации своего амбициозного характера, чай, не королевой уродилась.

Остановилась в гостинице, к сестре не поехала, потому что не знала, где та живет. Да, да, не знала, так случилось, в чем причина разры-

ва — вспоминать не было желания. И звонить Зине не стала, решив для начала выяснить, куда сестричка «серьезно влипла», как сказал Стас.

Утром она вошла в прокуратуру, огляделась с повышенным любопытством, ведь до этого дня Веронике не довелось бывать в подобных учреждениях. Ощутила дискомфорт: вероятно, от стен, пропитанных человеческими муками, шла отрицательная энергия, или это в ее представлении прокуратура казалась суровым застенком. Заметив дежурного, Вероника спросила, как ей попасть к следователю Ларичеву, тот сначала позвонил, потом объяснил, где находится кабинет. Пришлось подождать минут двадцать, что явилось настоящей пыткой, ведь ждать у цели, выстраивая в уме десятки жутких ситуаций и задаваясь вопросом, зачем вызвали, — это кошмар. Но вот ее пригласили в кабинет...

Основываясь на первом впечатлении от Ларичева, она пыталась определить, с кем ей предстоит иметь дело, ведь крайне важно угадать, что за человек перед тобой, особенно при полнейшем вакууме в сведениях. Не нравились Веронике раздвоенные подбородки у мужчин, утяжелявшие лицо и отвлекавшие от него, к тому же создавалось впечатление, что этот товарищ жесткий, непримиримый. Наверное, глупо по подбородку составлять мнение о человеке,

но внутреннее устройство Вероники всегда искало нестандартные детали, по ним выстраивало образ.

Без сомнения, Ларичеву под сорок, темные волосы коротко стрижены, нос прямой (ей бы такой), рот прямой, брови прямые... Так-так, черты лица не только получают по наследству, в процессе жизни они тоже видоизменяются, на них накладывает отпечаток характер. Видимо, он привык строить всех, кто в подчинении, ибо властность Вероника рассмотрела без труда. Ларичев что-то писал, привычным жестом и без слов указал ей на стул, когда она присела, уточнил ее фамилию, имя, отчество, затем поинтересовался:

— Вы уже в курсе?

— Насчет чего? — последовал от Вероники встречный вопрос.

Он поднял на нее глаза — небольшие для такого широкого лица, светло-болотные, колючие, а в совокупности с прямыми бровями получился очень строгий вид.

— Вы что, ничего не знаете? — спросил он.

И голос у него низкий, но лишенный теплоты, Ларичев просто ужас наводил на нее, поэтому Вероника не ответила, а отрицательно качнула головой. Он бросил авторучку на стол и откинулся на спинку стула; расстегнув пиджак, поставил руку на бедро, оттопырив в сторону

локоть, при этом уставился на Веронику, будто смотрел на студентку-первокурсницу, не знающую предмет. Она закусила губу, чтоб не сделать ему замечание по поводу бесцеремонности, да помнила, где находится. Говорят, войти сюда — запросто, а выйти — весьма проблематично.

— Значит, вы не были у нее, да? — уточнил он.

— Нет, — пришлось ответить, раз он не понимает кивков. — Я прилетела вечером, остановилась в гостинице.

Пауза начала нервировать Веронику: что он там себе измышляет?

— В гостинице, — наконец повторил Ларичев и что этим хотел сказать — одному ему известно, во всяком случае, Вероника не поняла, какой смысл он вложил в слово. — А почему не поехали на квартиру, в которой проживала ваша сестра?

— Да что случилось, черт возьми? — закончилось терпение у Вероники. — Что вы ходите вокруг да около? Прямо нельзя сказать?

— Можно. Но мне любопытно, почему родная сестра, то есть вы, которая прилетела издалека, не кинулась сразу к сестре выяснить, что произошло, а поехала в гостиницу.

— Потому что мы не общаемся с Зинаидой, давно не общаемся, — подавляя эмоции, ответила Вероника.

— Как давно?

— Лет пять. Да, пять.

— Вы состояли в ссоре? — допытывался он.

— Да, а что? Мы поссорились и не виделись пять лет.

— Что же послужило поводом?

А собственно, чего она перед ним трепещет? Он кто? Такой же человек с ногами и руками, с головой и туловищем, но завышающий свою значимость. А она кто? Преступница? Нет. Так в чем дело? Его надо поставить на место. Вероника закинула ногу на ногу, пальцы рук переплела, соединив их на колене, подбородок вздернула и сказала вызывающе, вместе с тем сухим тоном:

— Какая вам разница? Родственники часто ссорятся, иногда на всю жизнь, не вижу в этом ничего сверхъестественного. Почему вы до сих пор не соизволили поставить меня в известность, что натворила моя сестра и зачем вы меня вызвали?

— Вашу сестру убили, — поставил в известность Ларичев, как она того требовала. — Ей нанесли пять ударов предположительно ножом, три из них несовместимы с жизнью. Вам плохо?

Только идиот или конченый тупица, что вообще-то одно и то же, способен задать этот вопрос, к тому же абсолютно безучастно. Ве-